

Цзян Суйчжоу отвел слугу в сторону и, убедившись, что их никто не слышит, заговорил.

— Как тебя зовут? — спросил он.

Слуга поспешно вытер пот со лба:

— Докладываю Ван-е, меня зовут Сунь Юань.

Цзян Суйчжоу коротко кивнул и дал несколько простых наставлений: прислуживать усердно, не допускать ни малейшей ошибки. Малый выглядел робким и простодушным — пока принц говорил, он то и дело нервно теребил край своей одежды. Цзян Суйчжоу внимательно наблюдал за ним. Такой простоватый и боязливый тип подходил идеально.

Помолчав, Цзян Суйчжоу спросил:

— С тех пор как ты вчера начал прислуживать господину Хо, просил ли тебя кто-нибудь что-нибудь ему передать?

Сунь Юань опешил, на его лице отразился неподдельный ужас, и он отчаянно замахал руками.

— Нет... нет!

«Значит, просили», — понял Цзян Суйчжоу. Он и сам догадывался.

Хоть Хо Уцзю и был из Северной Лян, его отец когда-то служил генералом в Южной Цзин. При дворе наверняка остались люди, связанные с ним прошлыми узами, и пара тайных попыток наладить связь не была бы странностью.

Цзян Суйчжоу кивнул: — Даже если и так, я не стану тебя наказывать.

Сунь Юань в панике затараторил:

— Ван-е, ко мне действительно приходили, хотели передать письмо, но я отказался!

Цзян Суйчжоу постарался придать своему лицу как можно более благожелательное выражение:

— Значит, письма всё-таки приносят?

У Сунь Юаня подкосились ноги. Он так и знал: принц пришел за ним неспроста! Весь мир знает, кем был Хо Уцзю раньше — как бы он посмел помогать ему связываться с внешним миром? Но Ван-е всё равно догадался. Теперь, передавал он письмо или нет, его наверняка заставят замолчать навсегда... Чем спокойнее звучал голос принца, тем явственнее Сунь Юань ощущал леденящую атмосферу приближающейся беды.

— Было дело... но я клянусь, я ничего не...

— Если в следующий раз кто-то принесет письмо, отдавай его господину Хо. Докладывать мне об этом не нужно, — произнес Цзян Суйчжоу.

Хо Уцзю не дурак. Если письма будут беспрепятственно попадать к нему в руки прямо в покоях принца, он поймет, что кто-то «сверху» закрывает на это глаза. Сунь Юань, не договорив фразу, застыл с открытым ртом.

— Я никогда не посмею... а? — Он не поверил своим ушам.

Цзян Суйчжоу выдержал паузу и вновь напустил на себя холодный и суровый вид.

— Просто делай, что велено, и ни единой живой душе об этом ни слова, — отчеканил он. — Если просочится хоть слух... ты сам знаешь, что тебя ждет.

Припугнув Сунь Юаня, Цзян Суйчжоу удалился, заложив руки за спину. В его спальне сейчас царил хаос из-за суеты, которую развел Мэн Цяньшань. Глядя на это издали, Цзян Суйчжоу чувствовал, как начинает болеть голова, а мысль о том, что внутри сидит Хо Уцзю, отбивала всякое желание возвращаться. Он решил пройти мимо дверей и укрыться на время в кабинете.

Сохраняя невозмутимый вид, он поднялся по ступеням и уже собирался свернуть в галерею, ведущую к библиотеке. Но в этот момент краем глаза он заметил Хо Уцзю.

Среди этой шумной, бестолковой толпы он казался самым чужим. Пленник сидел в углу в своем кресле, не проронив ни слова. Он был красив, но его взгляд всегда пугал людей до икоты. Однако сейчас он сидел, опустив глаза, и длинные ресницы скрывали ярость в его взоре. В этот миг он казался невероятно тихим, отделенным от всего мира невидимой преградой.

Цзян Суйчжоу невольно замедлил шаг. И тут служанка, тащившая тяжелый ящик, неосторожно задела ногой инвалидное кресло. Хо Уцзю лишь слегка качнулся, но служанка споткнулась и едва не выронила ношу.

Она выпрямилась и довольно громко проворчала:

— Что за помеха под ногами? Нельзя было отъехать подальше?

С этими словами она пренебрежительно зыркнула на Хо Уцзю и пошла дальше.

Цзян Суйчжоу нахмурился. Ноги сами собой изменили направление: вместо библиотеки он перешагнул порог главной спальни.

— Что ты сейчас сказала? — сурово спросил он.

Почему эти безвестные слуги так старательно ищут себе приключений? Он лезет из кожи вон, чтобы втайне задобрить Хо Уцзю, а эти люди позволяют себе унижать его в открытую?

Слуги в комнате замерли и испуганно уставились на принца. Взгляд Цзян Суйчжоу, холодный как лед, впился в ту самую служанку. Девушка похолодела от ужаса: она поняла, что принц всё слышал. Не смея оправдываться, она рухнула на колени прямо с ящиком в руках.

Он посмотрел на неё сверху вниз и ледяным тоном спросил:

— Понимаешь, в чем твоя вина?

Служанка отчаянно закивала.

— Перед кем ты должна извиниться? — продолжил он.

Девушка поспешно поставила ящик и на коленях подползла к Хо Уцзю, ударив челом об пол:

— Рабыня была непочтительна, прошу господина простить мою вину!

Хо Уцзю сидел неподвижно, полуотвернувшись. Он даже не поднял глаз, будто всё происходящее его совершенно не касалось. Цзян Суйчжоу замялся. Он знал, что за такие слова служанку полагается наказать. Но... Мэн Цяньшаня рядом не было, а сам Цзян Суйчжоу, будучи «новичком» в этом мире, не знал, какие кары здесь приняты. Он не понимал, сколько вычитать из жалования, а приказывать сечь человека или заставлять стоять на коленях часами ему, как человеку современному, было не по себе.

Подумав, он сухо бросил:

— Ступай к Мэн Цяньшаню и прими наказание.

Служанка поспешно поклонилась и ушла.

Цзян Суйчжоу оглядел притихших слуг. Кажется, его нагоняй подействовал: теперь в этом дворе вряд ли кто-то осмелится обижать Хо Уцзю.

С облегчением вздохнув, он развернулся и ушел. Свое дело он сделал, а теперь — в библиотеку, наслаждаться тишиной без Хо Уцзю.

Он не видел, что после его ухода на лице коленопреклоненной служанки отразилась обида и злость. Её звали Таочжи, и в этом доме она пользовалась благосклонностью принца — обычно только ей и Мэн Цяньшаню позволялось прислуживать господину лично.

Кто бы мог подумать, что из-за какого-то калеки хозяин отчитает её на глазах у всех, заставив сгорать от стыда. Однако, хоть господин и сделал ей выговор за столь оплошность, он не стал наказывать её лично. Она решила, что хозяин всё же жалеет её, а суровость была лишь минутной из-за того, что он случайно оказался рядом.

Она подняла голову и холодно взглянула на Хо Уцзю. Все эти неприятности — только из-за этого инвалида.

Цзян Суйчжоу не видел, каким ледяным был взгляд Хо Уцзю, сидевшего в углу, под его опущенными ресницами. Когда Цзян Суйчжоу выходил из комнаты, Хо Уцзю поднял глаза и одарил его колючим, холодным взглядом. Ему этот принц Цзин казался просто смешным. Если хочешь приставить шпионов — так и делай, зачем разыгрывать перед ним этот спектакль с «защитой»? ...Он даже дошел до того, что ради этой игры целую ночь просидел у его постели. В этом не было никакой нужды.

Наступил вечер, пришло время ужина. Как только принц вошел в кабинет, он велел всем удалиться, не сделав исключения даже для евнуха Мэн Цяньшаня. Впрочем, в этом не было ничего необычного: когда Ван-е был занят делами, он крайне не любил, чтобы его беспокоили.

Поскольку теперь в покоях появился еще один хозяин, на маленькой кухне начали постепенно готовить ужин, несмотря на то, что принц всё еще не выходил из кабинета. Вскоре принесли известие.

— Сказали, что двое господ пригласили Ван-е на обед, так что сегодня он в поместье ужинать не будет, — доложил слуга.

Мэн Цяньшань в это время дежурил у дверей кабинета, так что в жилых покоях всем заправляла Таочжи.

Служанки вопросительно переглянулись, и Таочжи, обедев их взглядом, с презрением посмотрела на Хо Уцзю. Тот сидел у окна с книгой в руках.

— Чего застыли? Накрывайте на стол, — холодно скомандовала она. — Если Ван-е нет, это не значит, что мы должны оставить голодным «хозяина» этих покоев.

Никто из слуг не смел ей перечить, и все засуетились. Прислуживавший Хо Уцзю Сунь Юань поспешил вперед, чтобы подкатить инвалидное кресло к столу. Хо Уцзю промолчал и отложил книгу в сторону. Только он один знал, как сильно он не любит читать.

С самого детства один вид иероглифов наводил на него тоску. Он то сбегал на плац верхом на лошади, то изводил учителей ради забавы. К семи-восьми годам он довел до увольнения двоих наставников. Яньгуань был глухим местом, найти учителя там было трудно, и его отец в ярости целыми днями гонялся за ним с плеткой. Даже сейчас от чтения у него начинала болеть голова. Но ирония судьбы заключалась в том, что теперь, кроме листания этих опостылевших свитков, он больше ничего не мог делать.

Хо Уцзю бросил косой взгляд на книгу. Сунь Юань, увидев, что тот закончил, подкатил кресло к столу. На столе уже стояло несколько блюд, а после команды Таочжи слуги начали один за другим вносить горячие кушанья. Поскольку еду готовили в расчете на изысканный вкус Цзян Суйчжоу, ужин был богатым и нарядным; над тарелками в ярком свете ламп поднимался соблазнительный пар.

Таочжи стояла рядом, её лицо было холодным, как лед. Она была красавицей. Когда её только привели в поместье, даже работорговец говорил: если судьба улыбнется, она сможет стать наложницей и из рабыни превратиться в госпожу. Она шаг за шагом карабкалась к своему нынешнему положению, но никак не ожидала, что её господину будут интересны только мужчины. Что в них хорошего? Ладно бы еще такие, как господин Гу, но этот огромный неотесанный калека — зачем он вообще приперся в задний двор принца!

После дневного позора Таочжи возненавидела Хо Уцзю еще сильнее. «Что толку в красоте? Что толку, что ты был генералом? Ноги отнялись, и теперь ты в чужом гареме прислуживаешь мужчине», — со злобой думала Таочжи.

В этот момент одна из служанок, внося суп, споткнулась на пороге и едва не расплескала его. ...Всё равно Ван-е сегодня нет. Таочжи с ледяным лицом шагнула вперед и выхватила поднос с супом.

— Что ты как мешок с костями? — прикрикнула она на девушку. Служанка принялась торопливо извиняться. Таочжи смирла её презрительным взглядом и направилась к столу.

В следующий миг она намеренно качнулась в сторону стола, и чаша с обжигающим супом перевернулась прямо на ноги Хо Уцзю.